

Премия имени
Владимира Гиляровского
представляет публициста

Саша Кругосветов

ЗАМЕТКИ В XX

Интернациональный Союз писателей

Саша Кругосветов

Заметки в ЖЖ

«ПЦ Александра Гриценко»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Кругосветов С.

Заметки в ЖЖ / С. Кругосветов — «ПЦ Александра Гриценко»,
2016 — (Премия имени Владимира Гиляровского представляет)

ISBN 978-5-04-003329-4

Как найти собственный путь в литературе? У кого учиться писать книги, кому подражать? Кого перечитывать, кого вспоминать? По чьим стопам идти, с кем соглашаться, с кем спорить? Или может, просто погрузиться в мир родной нам классической русской литературы и отгородиться от всего остального? Сколько раз я задавался подобными вопросами! Делился размышлениями с френдами в своем Живом Журнале krugo-svetov.livejournal.com, прислушивался к их мнению, спорил или соглашался с ними. Некоторые из моих заметок на эту тему были опубликованы в Альманахе «Российский колокол», в спецвыпуске «Клуб публицистов премии им. Владимира Гиляровского» в 2015. Я собрал вместе заметки на тему о том, как найти свой путь в литературе. Об этом и о многом другом эта книга.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-04-003329-4

© Кругосветов С., 2016
© ПЦ Александра Гриценко, 2016

Содержание

Новые странствия Кругосветова	5
Индийская эстетика о создании поэтического настроения	8
Как писать книги	9
Дхвани	11
Раса	13
Цвет раса	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Саша Кругосветов

Заметки в ЖЖ

Новые странствия Кругосветова

Небольшая книга очерков названа автором «Заметки в ЖЖ». Сведения говорят, что ему также принадлежат несколько книг для детей, герой которых – капитан, совершивший кругосветное плавание. Ничего не путает читатель – ведь фамилия автора Кругосветов. Фамилия страстного путешественника, человека опытного и неутомимого. Сведения далее указывают, что Саша Кругосветов – автор книги «Сто лет в России», а также сборника очерков на актуальные темы. Все произведения мне знакомы. Их объединяет, при жанровом разнообразии, характерная авторская оптика, в которой течение времени гармонично соотносено с пространством, что позволяет живо и одновременно отстранённо реагировать на перемены и держать удар в случае вызова обстоятельств. Писателю такое видение даётся либо трудом, либо от рождения, снабжённое лёгким лирическим чувством, для полёта. У Саши Кругосветова, полагаю, это врождённое видение – прицельно, легко, волной тепла.

Заметки можно принять за судовой журнал, заполняемый по мере прохождения кругосветного плавания земной жизни. Метафора пресновата, но верна: это дневник, написанный для того, кто на берегу, – для читателя. Адресат мгновенно реагирует на внимание автора к себе любимому и на непосредственность языка, которым дневник написан. «Заметки в ЖЖ» сразу же очаровали меня именно тёплым вниманием к читающему собеседнику. Автор беседует с читателем почти как со старшим, хотя, конечно, книга – не что иное как отличный мастер-класс по литературному творчеству.

Если читатель пишет сам, он, читая внимательно, обнаружит мягко выявленные Мастером его, читателя и писателя, ошибки, тут же найдёт подсказку, как их исправить и потом избегать. Читатель не пишущий, но любящий литературу, особенно если у него есть сходство во вкусах с автором, получит изысканное наслаждение от беседы о знаменитых девяти рассказах Джерома Сэлинджера и индийской науке о создании прекрасного. После беседы читатель захочет составить автору компанию в путешествиях и, возможно, окажется в одном из самых прекрасных мест на Земле – в крымском Партените. Книга, несмотря на небольшой объём, очень плотная и разнообразная. Автор как рассказчик своё дело знает отлично, он – рассказчик от Бога. Это высказывание о Сэлинджере можно отнести и к Кругосветову-эссеисту. Ведь очерк, как и рассказ, – тайна. В современной отечественной литературе не так много талантливых очеркистов. Очеркист – проводник в мир искусства. Он знакомит с предметами и явлениями, он помогает разобраться в стилях и жанрах, если пишет о литературе, музыке и живописи.

Очерк – ежедневное питание, кусок информации, без которой трудно пройти путь нового дня. Информация очерка – это не лжеинформация статистических ведомств, центров наблюдения за атмосферными фронтами и комментаторов политических событий. Очерк не вызывает периферийного беспокойства, которое очень сильно и с помощью которого можно манипулировать человеком, угнетая его личность. А что было и вдруг прошло? Кто станет премьером завтра? Что я упустил из покупок по акции? Очерк идёт сразу в мозг, в его яблочко. Он ставит на дыбы сердце, и человек начинает чувствовать, как дремавшие в нём силы начинают работать на полную мощность.

Например, Кругосветов пишет очерк о рассказах Сэлинджера в 2015 году. «Сэлинджер – это школьная программа, – скажет новоявленный интеллектual и добавит: – Я

уже проходил это, идёте дальше!» Но в 2015 и в начале 2016 года были объявлены лауреаты нескольких литературных премий. Читающему обществу стало очевидно, как именно изменилась ситуация в верхах литературных институций, формирующих ридер-тренды. Саша Кругосветов цитирует абзац из рассказа Сэлинджера «Фрэнни» именно в это время. Удивительным образом возникает интерференция смыслов, дающая объёмную картинку. Первый план – базовый: отличие человека талантливой от функционера от искусства, который тоже может быть талантливым, но, увы, в меру. Второй план интереснее и новее: если посмотреть на основы современной прозы (а Сэлинджер – это основа), окажется, что к ним почти ничего не прибавилось, хотя картинка значительно сместилась, она как бы падает. Третий план, создающий объём – чудесный, которого в тексте, возможно, и нет, но есть, как индийская раса, в ауре текста.

Цитируя слова героини Сэлинджера Фрэнни, автор как бы сам произносит их, от своего лица, – так что это уже не является цитатой, а становится почти прямым высказыванием, относящимся точно к настоящей ситуации и разбору основных литературных премий в начале 2016 года. Ни досады, ни возмущения, ни осуждения – точная запись в судебной журнал. Зимние шторма закончились, идём прежним курсом. Фрэнни говорит в испуге, эмоционально – автор, цитируя Сэлинджера, как бы сидит рядом с ней. И повторяет её слова. Без испуга, транслируя их в другое пространство-время. Исследование работ мастера – лучший предмет для очерка. Беседа с героями мастера – возможность зайти в его мастерскую, не считаясь со временем и не теряя вкуса времени. Благодаря «Заметкам в ЖЖ» читатель может заглянуть в мастерскую автора «Ловца во ржи».

Очеркист – литературный сталкер. Он движется по возлюбленной зоне свободно и не собирается из неё выходить. Таких проводников вообще немного – наделённых даром сквозь уплотнённую линзу малого жанра показать читателю огромные пространства. Например, индийские расы – настроения произведения. Или Сэлинджера-рассказчика, возникающего на горизонте любого читателя как материк, не меньше. Кругосветов – тоже сталкер. Ощущение от чтения «Заметок в ЖЖ» похоже на раду, о которой сам Кругосветов рассказывает. Здесь вспыхивает нежно и ярко радость узнавания. Или вдруг включается щемящее изумление от того, что раньше не знал. Или знал, но это спрятано было где-то в затылке. То проявляется печаль, довольно суровое чувство. То мелькнёт страх. Автор, сознательно или нет, рассказывая о девяти расах и рассказах Сэлинджера, сам создал произведение почти в соответствии с индийским канонem.

Однако Сэлинджеру посвящена только первая часть книги. Скажем, это доминантная септа в её звучании: семь небольших глав об индийской философии поэзии и мастерстве Сэлинджера-рассказчика. Это стремительное путешествие по девяти рассказам с помощью индийской премудрости. Автор не вполне серьёзен, как и полагается мастеру, называя главку: «Как писать книги». Читатель, уже из предисловия сообразивший, с каким проводником он имеет дело, знает: автор не станет учить, как писать книги. Он расскажет что-то из своей жизни. И точно: это главка снова о любимом писателе, к которому автор в первой части возвращается и у которого учится сам.

Вторая часть символично-короткая: три небольших блестящих эссе, почти абсолютно соответствующие этому жанру. Объединяет их тема героя, с разных точек атаки. Одна – герой как боевой партнёр. Вторая – любимый литературный герой детства и современности. И, конечно, Капитан Александр – личность вымышленная, но автору близкая. Эти три эссе составляют композиционный центр книги, её яблочко.

Третья часть распадается на две, но это один блок. Три фрагмента, посвящённые воспоминаниям о фестивале фантастики разных лет, переключаются с тремя характерными зарисовками из жизни литературных курсов. Эта третья часть, полная нежности и юмора, раскрывается подобно цветку и венчает этот небольшой сборник.

Рискну высказать мысль, которая меня довольно долго беспокоит. В России последних лет литераторов так много, как некогда в Древнем Китае эпохи Тан (или Сун) или в Древней Ирландии во времена Книги Бурой Коровы. Да это же страна писателей!

Завершаю словами автора из предисловия. Они удивительно точны:

«Как найти собственный путь в литературе? У кого учиться писать книги, кому подражать? Кого перечитывать, кого вспоминать? По чьим стопам идти, с кем соглашаться, с кем спорить? Или, может, просто погрузиться в мир родной нам классической русской литературы и отгородиться от всего остального? Я собрал вместе заметки на тему о том, как найти свой путь в литературе. Об этом и о многом другом эта книга».

Наталия Черных

Индийская эстетика о создании поэтического настроения Загадки Дж. Сэлинджера

«Единственно ради вас, сыновья учености и познания, создавался этот труд. Глядя в книгу, находите намерения, которые заложены нами в ней, что затемнено семо, то проявлено овамо, да охватится вашей мудростью».

Агриппа Неттесгеймский. «Об оккультной философии»¹.

¹ Эпиграф к «Маятнику Фуко». Умберто Эко.

Как писать книги

Как писать книги? Как формируется писатель? Каковы секреты этого нелегкого ремесла? Что надо знать и уметь писателю, чтобы его творения возглавляли международные списки бестселлеров? Об этом неплохо было бы нам почитать и даже проштудировать мемуары о ремесле Стивена Кинга².

У кого учиться писать книги? Подражать Сэлинджеру? Перечитывать Борхеса? Вспоминать Кортасара? Или идти по стопам Бирса? Спорить с Кастанедой? Размышлять над книгой Модиано? Погрузиться с головой в мир родной нам классической русской литературы и отгородиться от всего остального?

Где истоки фэнтези? Одни отсылают к Анне Рэдклифф и Мэри Шелли, другие предпочитают Мэррита и Кларка Эштона Смита. Кто создает жанр – молоденький невротик или зрелый, солидный профессор? Один создает Конана из Киммерии, другой – Фродо из Хоббитании. Новый жанр. Культ и безумие. Но, оглянемся назад. Что мы увидим? «Алису» Льюиса Кэрролла и «Страну Оз» Фрэнка Баума – где их поместить? А где место «Питера Пэна» и «Винни Пуха»?³

«Каждое утро я вскакиваю с постели и наступаю на мину. Эта мина – я сам»⁴.

Кто я по определению Достоевского? Настоящий, нормальный и глупый, каким меня хотела видеть самая нежная мать – природа? Или человек особенный, лабораторный, который ни на кого не похож?⁵

Как рождается сюжет? Как появляется замысел? И вообще, в какой момент человек понимает, что писать книги – это и есть его предназначение?

Как удерживать и кормить Музу?

Как забраться на дерево жизни, кидаться камнями в себя самого и спуститься на землю, не сломав себе шею и не слолив себе дух?

Вопросы, ответы, профессиональные рекомендации. Мир литературы так же огромен, как мир человека. Fiction мир. Он так же огромен, как Faction мир. Что из них больше? Разве можно сравнивать бесконечности?

Сколько жанров, компонентов, изобразительных средств! Сколько путей, сколько традиций! Что хочет сделать писатель, как он спрячет свою «кухню», доберется ли он до ума и сердца читателя? В первую очередь – до сердца, до мурашек, бегущих по спине, до внезапно выступившей испарины, до одинокой слезы...

Мы с вами рассмотрим одну из традиций. Традицию создания произведений искусства, берущую начало в глубине веков, в мудрости древней Махабхараты, нашедшую свое продолжение и подробную разработку в средние века в Индии. Как же давно это было! Как вроде бы все это чуждо нам, детям христианского мира. А вон... Смотри же... Мудрецы современности вырастают из этой традиции. Находят в ней духовную опору своей жизни. Погружаются в нее. Несут дух этой эстетической традиции и философии через свои собственные взлеты и падения. Через сражения, кровь и концлагеря двух мировых войн. Мы находим подтверждение этому в произведениях Г. Гессе, Дж. Сэлинджера, апологетов битников Дж. Апдайка и Дж. Керуака, в поэзии Г. Снайдера и А. Гинсберга, в живописи В. Ван

² Стивен Кинг. «Как писать книги».

³ Анджей Сапковский. «Нет золота в серых горах!»

⁴ Рей Бредбери. «Дзен в искусстве написания книг».

⁵ Ф. М. Достоевский. «Записки из подполья».

Гога и А. Матисса, в музыке Г. Малера и Дж. Кейджа, в философии того же Дж. Кейджа и А. Швейцера, в трудах по психологии К. Г. Юнга и Э. Фромма, в книгах нашего В. Пелевина.

Дхвани

Рассмотрим элементы поэтической традиции «дхвани-раса», детально разработанной в средние века в Индии. Академик Баранников⁶ считает древнеиндийскую поэтику единственной эстетической теорией, построенной на научных основах и разработанной до поразительной тонкости. Разберем элементы теории «дхвани-расы» на примере творчества загадочного гения Джерома Сэлинджера.

В глубокой древности индийская цивилизация создала уникальную теорию – учение о поэтических чувствах, эстетических переживаниях и наслаждении, называемых «дхвани – раса». Главная ее доктрина состоит в том, что художественное наслаждение достигается не образами, вызываемыми прямым воздействием слов, а подтекстом «дхвани» – теми представлениями и чувствами, которые этими образами вызываются. Суть его в том, что произведение искусства с помощью огромного количества своих выразительных средств излучает, индуцирует, передает читателю определенное психоэмоциональное состояние, которое называется «раса». Слушатель (музыка), зритель (театр), читатель (литература) «вкушают» не информацию, а именно эту эмоциональную пищу. Великие арийские и дравидские мудрецы древности полагали, что вся Вселенная пронизана *раса*. Блажен, кто слышит и видит музыку сфер, внимает этой вселенской гармонии, видит ее красоту, ее драму, героiku, трагедию, кто чувствует себя сопричастным к глубинной красоте нашего мира, кто плачет и смеется вместе с богами-демиургами, создавшими величественный храм мироздания.

Итак, семантика поэтического высказывания, подтекст, отзвук, который может уловить ценитель, «дхвани»⁷. Разложим его по составляющим. Хотя как его разложить? *Дхвани* неразложимо, оно едино. Тем не менее, выделим слой выраженного, явного значения и слой невыраженного (угадываемого) значения. Выраженное – это то, что хотят сказать. Слой невыраженного можно сравнить с категорией красоты женщины, складывающейся из суммы всех факторов внешности, подвижности, эмоциональности, игры, кокетства и многих, многих других.

Слой невыраженного, второй план, «притягивается», «проявляется». *Дхвани* можно уподобить лампе, которая освещает саму себя, а, кроме того, освещает, делает явным и нечто совсем другое.

Невыраженное может содержать три составляющие:

1. простую, легко объясняемую мысль или вещь;
2. украшения, *тропы* (от др.-греч. *τρόπος* – оборот) – риторические фигуры, слова или выражения, используемые в переносном значении с целью усилить образность языка, художественную выразительность речи (эпитеты, метафоры, аллитерации, сравнения, оксюмороны, гиперболы, каламбуры и т. д.);

3. затаенный эффект (*раса*), особое чувство (*бхава*) – вкус, возникающий после прочтения произведения, и эмоция, вызываемая этим произведением.

Раса – самое главное. Эмоция вызывается прямым значением слов, прямым названием эмоции, она вызывается и косвенно – событием, описанной предметной ситуацией, описываемым пейзажем, композицией, но она не может быть тождественна описываемым объектам. Мы ведь убираем наречия перед глагольными формами, мы не рекомендуем писать «гневно крикнул», «решительно сказал». Все эти эмоции должны возникать из диалога, из контекста. *Раса принципиально* невыразима, она противоположна простой вещи, украшению. Это – не авторская эмоция, это – внеличностная эмоция, величайшая тайна поэзии.

⁶ Академик А. П. Баранников. «Индийская филология».

⁷ Анандавардхан. «Дхваньялока» (Свет дхвани).

Множество эмоций сочетаются каждый раз в разной пропорции и создают индивидуальный вкус. То ощущение, которое должно остаться после чтения произведений – ощущение прекрасного с собственным, индивидуальным вкусом.

Рассмотрим идею передачи ощущения прекрасного на примере рассказа Сэлинджера «Френни».

В центре рассказа – сцена встречи двух студентов – филологов, парня и девушки, любящих друг друга. Френни приезжает в город, где учится Лейн, на студенческий праздник. Он помог ей поселиться в отеле, и перед праздником они зашли перекусить в ресторан. Френни делится с ним своими переживаниями, связанными с тем, что, играя в студенческом театре, она чувствует, что у нее все получается не то и не так, она пытается искать какие-то новые пути и не находит. Она не способна больше воспринимать поэзию и признает только Сапфо⁸. Стремится понять, для чего человеку дана жизнь, для чего надо заниматься творчеством.

Лейн держится очень уверенно. С его слов, ему не составило труда разобраться в «Дуинских элегиях» Рильке и в сложнейших философско-эстетических мотивах его творчества.

Он, безусловно, интересуется проблемами эстетики, но подходит к этому крайне прагматично. Он хотел бы опубликовать свою последнюю работу о Флобере, хотя и сомневается в ее оригинальности. Уважает литераторов, добивающихся званий и наград.

«Ты разговариваешь точь-в-точь, как ассистент профессора. Приходит такой чудик, все на нем аккуратно: рубашечка, галстучек в полоску. Бегают таких человек десять, портят все, за что берутся, и все они до того талантливые, что рта раскрыть не могут. Прости, я сегодня плохая. Это ужасно. Я просто гадкая». Френни рассказывает Лейну о книге «Путь пилигрима» русского автора, то ли крестьянина, то ли священника, герой которой ищет смысл жизни в странствиях и в беспрестанном шептании молитвы. Типа нашей безостановочной молитвы: «Господи Иисусе, сыне Божий, помилуй мя грешного». Френни говорит, что у нее не хватает мужества стать просто никем.

«Интересная книга. Ты будешь есть масло?» – отвечает Лейн, он слушает и постоянно прерывает ее репликами о качестве салата, о лягушачьих ножках, о запахе чеснока.

Френни без конца извиняется, повторяет: «Прости, сегодня я никакая», корит себя за то, что невнимательна к Лейну. «Эти синтаксические фокусы, испражнения... Становлюсь противной, самовлюбленной, просто пуп земли...»

Лейн отвечает ей, как всегда, приземленно: «Поешь что-нибудь. Мне кажется, тебе принесли очень аппетитный сэндвич...»

Нервы Френни напряжены до предела, она не выдерживает такого непонимания, ее добивает диссонанс, возникший в беседе. Она идет к барной стойке, теряет сознание, падает. Когда приходит в себя, читает безостановочную молитву.

Устами Френни пересказывается главное суждение Анандавардхана (Свет дхвани) о том, что «высказывание не есть дхвани, если проявляемое в нем лишь появляется, но не вызывает ощущения прекрасного».

«Если ты поэт, то должен создавать нечто прекрасное! Я имею в виду, что ты должен оставить ощущение чего-то прекрасного, когда читатель переворачивает страницу».

⁸ Сапфó – древнегреческая поэтесса, представительница монодической мелики (песенной лирики). Современники называли её «страстной».

Раса

Давным-давно высокомудрые пророки Иерархии и прочие, укротившие страсти, пришли к добродетельному Бхарате⁹, мастеру театра, во время перерыва в репетициях. Он тогда только что окончил чтение мантры, сделал из цветного песка очередную мандалу и сидел, окруженный своими сыновьями. Высокомудрые пророки, укротившие свои страсти, почтительно спросили у него: «О брахман, как возникла натьяведа, столь похожая на прочие веды, которую ты сочинил? И для кого предназначена она, сколько в ней частей, каковы ее размеры и как должно ее применять? Пожалуйста, расскажи нам подробно обо всем этом». Выслушав мудрых, так сказал им Бхарата в ответ:

«Очиститесь, будьте внимательны и слушайте о происхождении натьяведы, сотворенной Брахмой. О брахманы, давным-давно, когда миновала критаяуга, во время которой царил Сваямбхува Ману, а люди стали охочи до чувственных удовольствий, погрязли в желаниях и алчности, и одолели их зависть и гнев, и счастье их смешалось с горем, тогда Джамбудвипа была полна богов, данавов, гандхарвов, якшей, ракшасов и великих урагов». И боги, возглавляемые Индрой, пришли к Брахме и сказали ему: «Мы хотим нечто, что можно было бы слышать и видеть. Поскольку существующие веды не должны достигать слуха тех, кто рожден шудрами, соизволи создать другую веду, которая будет принадлежать всем варнам». «Так и быть тому», – ответил Брахма, и, отпустив царя богов, подумал: «Создам пятую веду, которая будет содействовать славе, содержать добрые советы и мудрые изречения, давать наставления грядущим поколениям, обогатит учениями всех и охватит все искусства и ремесла».

Как почувствовать, пощупать *раса*? Вкус пищи порождается сочетанием различных веществ, соусов и приправ. Также и *раса* возникает от слияния различных чувств. Как от патоки и прочих продуктов, приправ и соусов образуются шесть вкусов, так и постоянные чувства, сочетающиеся с различными прочими чувствами, приобретают свой вкус.

«Подобно тому, как люди, толк знающие в еде, наслаждаются вкусами пищи, приправленной различными приправами и из разных продуктов приготовленной, точно так же разумные, наслаждаясь постоянными чувствами, связанными с драматическим представлением или чтением поэм и бхава, душой вкушают впечатления, которые они от этого получают».

Раса – особый вид переживания, особое эстетическое удовольствие. Его нельзя сравнивать с тем, что испытывает юноша от согласия возлюбленной стать его женой. Это удовольствие рефлексии, удовольствие наслаждения, исходящего из одного лишь ощущения.

У Бхараты названы восемь *раса*: любовное, комическое, трагическое, яростное, героическое, устрашающее, отвращающее и волшебное. *Бхава* порождает *раса*. Бхарата называет постоянные и преходящие чувства. Считается, что постоянных чувств тоже восемь – любовная страсть, смех, горе и гнев, энергия, страх, отвращение и изумление. Дополнительными чувствами называются тридцать три, а именно: удрученность, изнеможение, тревога, зависть, а также опьянение и усталость, вялость, подавленность, замешательство, отчаяние, воспоминание, уверенность, стыд, неуравновешенность, радость, возбужденность, скованность, высокомерие, отчаяние, нетерпение, сонливость, истерия, дремота, пробуждение, раз-

⁹ Бхарата. «Натьяшастра».

дражение, скрытность, ярость, рассудительность, болезнь, безумие, умирание, испуг, размышление. Преходящими чувствами считаются восемь: остоленение, потение, поднятие волосков(?), дрожание голоса, дрожь, побледнение, слезы, обморок.

Бхарата указывает, что секрет успеха драматического действия (он разработал теорию театра) заключен в неторопливости наращивания заданного поэтического настроения, которое достигается постепенным единением логических результатов происходящего с вариациями вспомогательных психических состояний героев. В результате подобного синтеза поэтическое настроение пронизывает действие от начала до конца. Это поддерживали и более поздние теоретики *дхвани* последующих веков¹⁰.

Так для создания *раса* страха рекомендуется использовать следующие дополнительные чувства – уныние, спад, неуверенность, тревога, раздражение, безумие, испуг.

Для создания *раса* отвращения – такие вспомогательные психические состояния персонажей, как возбуждение, тоска, ощущение страха, тревоги, плохие предчувствия.

Изумление, откровение должны возникнуть в результате следующих промежуточных состояний: беспокойство, радость, воодушевление, возбуждение, затем наступает долгожданное изумление и откровение, которое заканчивается чувством удовлетворения.

«Натьяшастра» Бхараты датируется большинством учёных III–IV веками. Спустя несколько веков Удбхата¹¹ (VIII–IX века) предложил добавить еще одно поэтическое настроение (*раса*), девятое по счету – спокойствие, ведущее к отречению от мира.

Девять поэтических настроений, этот стандарт сохранился в индийской теории эстетики до XI–XII веков, до появления Мамматы¹², который ввел десятое поэтическое настроение – родственной нежности, близости.

¹⁰ Keith A. B. «The Sanskrit drama in its origin...»

¹¹ Удбхата, др.-инд. поэт и теоретик поэзии 8–9 вв., автор труда «Сжатое изложение сущности поэтических украшений».

¹² Keith A. B. «A history of Sanskrit literature».

Цвет раса

Помимо дополнительных и преходящих чувств, сопутствующих конкретным *раса*, индийская поэтика рекомендует большое количество разнообразных сюжетных и изобразительных средств, направленных на внушение необходимых переживаний, необходимого «послевкусия». В дальнейшем мы обсудим некоторые из них. А сейчас, я хотел бы остановиться на цветовой окраске *раса*.

О цветовой окраске *раса* мы можем найти намеки в «Свете дхвани», а также в классических произведениях – в Махабхарате и Рамяне. Соответствие цвета и *раса* в индийской символике не всегда однозначно. Приведу в качестве примера окраску для девяти *раса*, которую приводит в своих работах И. Л. Галинская¹³. Окраску десятой *раса* мне, к сожалению, найти не удалось. Формулировку вида поэтического настроения также повторим вслед за Галинской.

Раса 1 – эротика, любовь – *синий, другие темные цвета*. В индийской поэтике синим кодируется любовь, т. к. это чувство во многих случаях жизни приносит гибель и зло.

Раса 2 – смех, ирония – *белый*.

Раса 3 – сострадание (а также – печаль, одиночество, может быть, – богооставленность) – *серый*.

Раса 4 – гнев, ярость – *красный*.

Раса 5 – мужество (а также – достоинство, смелость) – *оранжевый*.

Раса 6 – страх (а до страха, на подходе к страху – уныние, депрессия, неуверенность, тревога, раздражение, безумие, испуг) – *черный*.

Раса 7 – отвращение (его предваряют возбуждение, тоска, ощущение страха, тревоги, плохие предчувствия) – *темно-синий*.

Раса 8 – изумление, откровение – *желтый*.

Раса 9 – спокойствие, мудрость, умиротворение – *прозрачный, бесцветный*.

Привязку цвета к видам эмоций, поэтических настроений нельзя, видимо, считать жесткой, детерминированной для всех случаев жизни, для всех времен и народов. Вызывает сомнение *темно-синяя* окраска *отвращения*. Эта окраска может быть, по-видимому, и темно-фиолетовой. В той же индийской поэзии отвращение часто кодируется *зеленым* цветом.

Психофизическое воздействие цвета до конца не исследовано и в наши дни. Приведу несколько различных описаний воздействия цвета на настроение человека.

Красный

Самый возбуждающий цвет, он вызывает эмоции позитивного ряда: общий подъем духа, приток энергии, радость, желание двигаться, танцевать, эротические эмоции, стремление к общению с людьми, к творчеству, религиозный экстаз.

Возбуждение может реализоваться и в эмоциях негативного ряда: жестокость, страх, ужас, тревога, чрезмерное напряжение сил, болезненная эйфория, наркотическое действие, раздражение, гнев, ярость, надоедливость, неврастения, ощущение опасности. С красным цветом соотносится холерический темперамент.

¹³ И. Л. Галинская. «Загадки известных книг».

Желтый

Желтый цвет – привлекательный, вызывает симпатию и положительные эмоции: веселье, душевную лёгкость, приятное чувство благополучия, счастья, освобождения, независимости, молодости; провоцирует смелость в делах и поступках.

И. В. Гете оценивает желтый цвет весьма положительно: «В своей высшей чистоте желтый всегда обладает светлой природой и отличается ясностью, веселостью и мягкой прелестью. Он производит исключительно теплое и приятное впечатление. Если посмотреть на какую-нибудь местность сквозь желтое стекло, особенно в серые зимние дни, то... глаз обрадуется, сердце расширится, на душе станет веселее; кажется, что на нас веет теплом». Загрязненный и более темный желтый вызывает негативные эмоции: отвращение, брезгливость, отчуждение, неприятие. И. В. Гете пишет далее: «(Желтый) производит неприятное впечатление, если он загрязнен или...сдвинут в сторону холодных тонов. Так, цвет серы, отдающий зеленым, имеет что-то неприятное. Неприятное впечатление от желтого получается, если желтая краска сообщается нечистым и неблагородным поверхностям – обыкновенному сукну, войлоку и тому подобному... Незначительное и незаметное смещение превращает прекрасное впечатление огня и золота в гадливое, и цвет почета и благородства оборачивается в цвет позора, отвращения и неудовольствия».

Зеленый

Чистый (спектральный) зеленый, а также цвет листьев и травы действует на нервную систему положительно: успокаивает раздражение, снимает усталость, умиротворяет, бодрит, дает разрядку нервного напряжения. Иными словами, психологическое воздействие его обратно действию красного.

Синий

Спектральный синий вызывает ощущения покоя, неподвижности, глубины пространства; внушает серьезность, миролюбие, одухотворение, религиозные чувства. С синим связан флегматический темперамент. Это цвет идеала, духовной красоты. Длительное воздействие синего изолирует от реальности, погружает в некий иной мир, свободный от забот и суесть, от власти момента. Синий дает ощущение вечности.

Оранжевый

Тонизирующий цвет, возбуждение от него несколько менее, чем от красного, но раздражающее действие чуть ли не больше, чем у красного. Психологи видят источник этого раздражения в неустойчивости оранжевого, в его колебаниях от красного к желтому и обратно.

Голубой

Промежуточный между синим и зеленым. Богат разновидностями и оттенками – от светло-синего (называемого в просторечье голубым) до бирюзового (типа восточной бирюзы или египетской фритты). В наше время чаще всего встречаем в своем окружении типографский и компьютерный «суап» – ядовито-голубую краску. Природные голубые, конечно, успокаивают, затормаживают очаги раздражения в коре головного мозга, но искус-

ственный «суап» даже в небольших дозах нервирует и утомляет. Он хорош только при подмешивании к нему желтого или красного, смягчающих его ядовитость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.